

Шейхъ-Мансуръ Анапскій.

(Эпизодъ изъ первыхъ лѣтъ завоеванія Кавказа).

Шейхъ — въ искаженіи шихъ, означаетъ по убѣжденію мусульманъ, человѣка праведнаго, высокой нравственной жизни, почти угодника. Полученіе званія шейха было сопряжено съ большими затрудненіями и не иначе, какъ при наличности широкой популярности въ народѣ.

Въ первой половинѣ XIX вѣка среди кавказскихъ горцевъ секта шиховъ имѣла большое распространеніе, хотя послѣдователи ея и не могли быть истинными шихами въ полномъ смыслѣ этого слова. Основатель секты, первый имамъ Дагестана, Кази-Мулла, главнымъ условіемъ достиженія этого почетнѣйшаго званія ставилъ отреченіе отъ всѣхъ мірскихъ благъ, безусловное слѣдованіе завѣтамъ Корана и распространеніе завѣтовъ послѣдняго, въ случаѣ надобности, вооруженной рукой. Естественно, что свободолюбивому и независимому горцу трудно было отказаться отъ всего мірскаго, а тѣмъ болѣе подчинить свою волю — волѣ другого. Поэтому истинныхъ шиховъ было очень немного, но зато явилось въ изобиліи много послѣдователей и подражателей.

Одинъ изъ предшественниковъ ученія Кази-Муллы, чеченецъ Ушурма, впоследствии получившій наименованіе шейхъ-Мансура, вызвалъ въ восьмидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія возстаніе горцевъ почти по всему черноморскому побережью, направленное противъ русскихъ, продолжавшееся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и закончившееся плѣненіемъ популярнаго шейха.

Будущій вождь и пророкъ родился въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ небольшой чеченской деревушкѣ Алды; какъ

всѣ горды, онъ по достиженіи юношескихъ лѣтъ пасъ стада и тѣмъ поддерживалъ благосостояніе семьи. Неграмотный, знавшій наизусть только пять повседневныхъ молитвъ, обязательныхъ для каждаго правовѣрнаго, Мансуръ, находясь постоянно подъ обаяніемъ роскошной южной природы, видя вокругъ себя великолѣпную красоту Кавказа, сдѣлался мечтателемъ и невольно выдѣлился изъ среды односельчанъ. Присматриваясь къ окружающему, онъ открылъ, что большинство его соотечичей, какъ простые люди, такъ и люди ученые, даже почитаемое народомъ духовенство, отступили отъ предначертаній Корана и впали въ различные пороки. Сдѣлавъ это открытіе, впечатлительный юноша далъ себѣ твердый зарокъ: стараться всю жизнь не слѣдовать худымъ примѣрамъ, жить набожно и честно и никогда не отставать отъ поста и молитвы.

Постоянство, съ какимъ Мансуръ сталъ исполнять свой обѣтъ, скоро обратило на себя вниманіе и привлекло къ нему толпы почитателей. Не только жители его родной деревни, но почти все населеніе обширной Чечни стекалось слушать его поученія.

Вмѣстѣ со славой, увеличивалось и благосостояніе его семьи. Приношенія лились рѣкою: всевозможные подарки, деньги, овцы, быки, лошади и плоды, все въ изобиліи несло къ любимому шейху.

Его страстная проповѣдь какъ бы гипнотизировала, очаровывала слушателей. Это былъ своего рода мусульманскій Саванарола: сильно и властно проповѣдывалъ онъ о вредѣ раздоровъ среди правовѣрныхъ, бичевалъ роскошь, которой окружали себя гордые мюриды, и требовалъ, чтобы всѣ относились съ любовью другъ къ другу, не исключая и иновѣрцевъ.

Какъ велико было нравственное вліяніе этого человѣка, можно судить изъ того, что всегда воинственные чеченцы, непримиримые враги русскихъ, измѣнили свои отношенія, и проявленіе дружбы къ русскимъ не было рѣдкимъ исключеніемъ.

Все время, пока туземцы находились подъ вліяніемъ шейха-Мансура, эти дружественныя отношенія не нарушались. Ни набѣговъ, ни столь обычнаго у черкесовъ воровства скота не было. Отдѣльныя попытки на грабежъ, если и бывали, то большей частью онѣ совершались безъ вѣдома Мансура. Одинъ изъ такихъ случаевъ косвенно послужилъ поводомъ къ разрыву съ русскими и рѣзко перемѣнилъ воззрѣнія самого шейха.

Винникомъ этого былъ одинъ изъ самыхъ отчаянныхъ

представителей сельской молодежи, чеченецъ Бурсанъ. Подговорявъ нѣсколько кунаковъ, онъ въ одну темную ночь, подкравшись къ селенію русскихъ, увелъ изъ табуна семь лошадей и взялъ въ плѣнъ караульщика. Вернувшись въ Алды, онъ не могъ скрыть результатовъ удачной баранты, и вѣсть о набѣгѣ дошла до шейха. Мансуръ немедленно созвалъ старѣйшинъ изъ мюридовъ, убѣдилъ ихъ, что поступокъ Бурсана можетъ навлечь гнѣвъ русскихъ властей и повести къ нарушенію мира. Мюриды постановили отобрать у Бурсана лошадей и вернуть ихъ вмѣстѣ съ плѣнникомъ. Съ своей стороны Мансуръ изготовилъ къ русскимъ письмо, въ которомъ заявлялъ о желаніи чеченцевъ хранить съ ними дружбу. Но этого добраго намѣренія ему не удалось осуществить. Помѣшала, какъ это часто бываетъ, человѣческая зависть. Уже давно въ аулѣ одному человѣку не нравилось все болѣе и болѣе усиливающееся вліяніе и власть Мансура. Чеченецъ Алаши-Батешъ, ослѣпленный злобой, рѣшился на крайнее средство: онъ отправился къ начальнику ближайшаго русскаго отряда и донесъ ему, что шейхъ-Мансуръ возбуждаетъ чеченцевъ къ войнѣ противъ Россіи и что поступокъ Бурсана былъ вызовомъ для разрыва сношеній. Доносъ подѣйствовалъ, такъ какъ командующій русскими войсками по Моздокской линіи уже давно относился недовѣрчиво къ популярному пророку. Было сдѣлано распоряженіе о послыжкѣ карательной экспедиціи подъ начальствомъ полковника Піери. Въ составъ отряда вошелъ Астраханскій пѣхотный полкъ, батальонъ Кабардинскаго егерскаго полка, двѣ гренадерскія роты Томскаго полка и сотня Терскихъ казаковъ.

4 іюля 1785 года, отрядъ полковника Піери выступилъ въ походъ и къ 10 часамъ утра 6 іюля достигъ селенія Алды. Въ то самое время, когда Мансуръ сочинялъ свое письмо и готовился вернуть похищенное Бурсаномъ, — его родной аулъ, подоженный съ четырехъ сторонъ, былъ взятъ и разграбленъ русскими солдатами. Не ожидавшіе нападенія жители бѣжали въ горы. Мансуръ лишился всего: его сакля была сравнена съ землей, самъ онъ и его семья едва успѣли спастись. Все дружественное отношеніе къ русскимъ пропало, и шейхъ повлялся отомстить именемъ пророка. Между тѣмъ русскій отрядъ предавалъ все встрѣчающееся ему на пути огню и мечу. Вся Чечня заволновалась, узнавъ о несчастьѣ, постигшемъ шейха. Мансуръ сталъ во главѣ горцевъ и объявилъ священную войну — газавать. По ночамъ на неприступныхъ кручахъ горъ зажига-

лись костры—сигналы. Все, что умѣло и могло носить оружіе, стекалось подъ священное знамя пророка.

Тѣмъ временемъ отрядъ полковника Піери, разрушивъ еще нѣсколько селеній, предпринялъ обратный походъ, не подозрѣвая, что воины шейха зорко слѣдятъ за его движеніемъ. Въ почти дѣвственныхъ за-Сунженскихъ лѣсахъ, втянувшись въ узкое горное ущелье, отрядъ былъ внезапно окруженъ чеченцами. Произошла жаркая битва: обѣ стороны боролись отчаянно. Озлобленные горцы, руководимые любимымъ вождемъ, одержали побѣду. Полковникъ Піери и всѣ офицеры были убиты. Оставшіеся въ живыхъ 140 человекъ солдатъ и двѣ пушки остались трофеями въ рукахъ непріятеля.

Это тяжкое пораженіе русскихъ сильно повысило авторитетъ Мансура въ глазахъ горцевъ. Священный кличъ газавата распространился на Кубань и Кабарду, и возстаніе охватило значительное пространство. Опьяненные побѣдой, чеченцы потребовали отъ него продолженія военныхъ дѣйствій, но осторожный шейхъ, зная превосходство русскихъ, противился этому требованію и медлилъ. Нѣкоторые изъ горскихъ князей предложили напасть на ингушей, племя, къ которому чеченцы относились съ ненавистью и называли ихъ невѣрными. Мансуръ еще менѣе чѣмъ съ русскими желалъ войны съ единоплеменниками, но ему было почти приказано слѣдовать въ походъ. Случай выручилъ его изъ этого положенія. Одинъ изъ узденей, нѣкій Гатши, убѣдилъ горцевъ не трогать ингушей, а идти на Кизляръ, бывший, по его словамъ, безъ всякаго гарнизона и поэтому обѣщавшій богатую добычу. Самонадѣянные и пылкіе мюриды ухватились за эту мысль и, не войдя даже въ соглашеніе съ разбросанными по всей Кубани черкесскими отрядами, предприняли набѣгъ на Кизляръ, на этотъ разъ окончившійся неудачей. Навстрѣчу чеченцамъ былъ высланъ значительный русскій отрядъ подъ командой полковника Нагеля и горцы были разбиты наголову.

Мансору съ небольшою кучкой приверженцевъ удалось скрыться въ горахъ. Удрученный пораженіемъ, онъ рѣшилъ не принимать болѣе участія въ военныхъ дѣлахъ и задумалъ совершить путешествіе въ Мекку. Съ четырьмя, постоянно сопровождавшими его мюридами, онъ отправился въ Анапу, чтобы оттуда отплыть въ Константинополь. Въ это время началась наша вторая война съ Турціей. Комендантомъ Анапы былъ трехбунчужный Баталь-паша. Узнавъ о прибытіи Мансура, дѣятельность котораго ему была извѣстна, онъ призвалъ

его къ себѣ и объявилъ, что теперь, когда идетъ война съ русскими, не время ѣхать въ Мекку.—Подвигъ за истинную вѣру противъ иновѣрныхъ,—сказалъ паша,—не менѣе угоденъ Аллаху, чѣмъ поклоненіе святымъ мѣстамъ.

Нуждаясь въ подкрѣпленіяхъ, паша уговорилъ Мансура употребить все свое вліяніе на горцевъ въ пользу войны съ русскими и отправилъ шейха обратно въ горы, чтобы уговорить чеченскихъ князей оказать помощь турецкой арміи. Мансуръ, вернувшись въ аулы, передалъ желаніе Баталь-паши, не подкрѣпивъ его, однако, своимъ совѣтомъ. Его уклончивость была замѣчена, и вслѣдствіе этого къ пашѣ былъ отправленъ гонецъ съ извѣщеніемъ объ отказѣ чеченцевъ вступить въ союзъ.

Баталь-паша, получивъ это извѣстіе, сумѣлъ скрыть свое неудовольствіе. Онъ спокойно выслушалъ посланнаго съ отказомъ, выразилъ свое сожалѣніе и просилъ передать шейху Мансуру, что онъ хотѣлъ бы видѣть его при себѣ. Проницательный турокъ зналъ, что присутствіе шейха подниметъ его военный престижъ и воодушевитъ его войска. Вскорѣ пашѣ удалось заключить союзъ съ Кабардинскими князьями и, не дожидаясь приближенія русскихъ, онъ двинулъ свою армію въ Кабарду, но на пути былъ встрѣченъ сильнымъ отрядомъ генерала Германа, потерпѣлъ пораженіе и самъ былъ убитъ. Остатки турецкой арміи вернулись въ Анапу подъ предводительствомъ сына Баталь-паши—Мустафы.

Когда вѣсть о разбитіи турецкихъ войскъ достигла Кабардинскихъ селеній, то собранные тамъ и совершенно готовые къ выступленію отряды, были распущены. Бывшій тамъ же Мансуръ, не желая оставаться среди растерявшихся горцевъ, рѣшилъ снова отправиться въ Анапу, чтобы осуществить свою мечту о путешествіи въ Мекку. Послѣ долгаго и опаснаго пути, онъ вмѣстѣ съ пятью спутниками достигъ города, но увидѣлъ его осажденнымъ русскими войсками. Одному ему извѣстнымъ путемъ, Мансуръ пробрался въ городъ и поселился одинъ, не предпринимая никакихъ дѣйствій и проводя время въ молитвѣ.

Между тѣмъ русскія войска подъ начальствомъ графа Гудовича желѣзнымъ кольцомъ стягивали Анапу. Привозъ провизіи съ горъ сталъ невозможенъ, почти непрерывный обстрѣлъ города и частые штурмы утомили его защитниковъ, и крѣпостной гарнизонъ сталъ роптать. Мустафа-паша обратился къ Мансуру съ призывомъ выступить на защиту ислама и пади-

шаха. Шейху пришлось прекратить бездѣйствіе и стать въ ряды борцовъ, но на этотъ разъ и его присутствіе не могло поддержать осажденныхъ. Послѣ долгой и тяжелой осады войска графа Гудовича 22 іюня 1791 года кровопролитнымъ штурмомъ взяли Анапу. 130 знаменъ, 95 пушекъ и около 14.000 человѣкъ плѣнныхъ было наградой побѣдителямъ. Въ числѣ плѣнныхъ были: Мустафа-паша и шейхъ-Мансуръ.

Графъ Гудовичъ обласкалъ плѣнныхъ: онъ торжественно обѣщалъ имъ свободу по окончаніи войны, а Мансуру, кромѣ того, пристойное, подобающее его званію, содержаніе въ Петербургѣ, куда онъ долженъ быть посланъ для представленія Императрицѣ. Само собою разумѣется, что эти почетныя условія были приняты. Задача графа Гудовича по умиротворенію кавказскихъ горцевъ была закончена: со взятіемъ Анапы вся Кубань была въ рукахъ русскихъ, а плѣненіе популярнаго пророка и шейха смирило горскія племена, и возстаніе можно было считать подавленнымъ.

Съ чрезвычайными предосторожностями и подъ усиленнымъ конвоемъ шейхъ - Мансуръ былъ доставленъ въ Петербургъ. Въмѣсто обѣщаннаго ему почетнаго содержанія, онъ былъ помѣщенъ въ одномъ изъ казематовъ Петропавловской крѣпости. Екатерининское правительство смотрѣло на него, какъ на опаснаго политическаго агитатора, и подозрѣвало въ немъ турецкаго агента. 28 іюня 1791 года, шейхъ былъ допрошенъ въ тайной экспедиціи самимъ Шешковскимъ. Въ показаніяхъ своихъ Мансуръ упорно отрицалъ обвиненіе его въ недоброжелательствѣ къ русскимъ и утверждалъ, что онъ проповѣдывалъ среди своихъ единовѣрцевъ и соплеменниковъ терпимость и любовь не только между собою, но и по отношенію къ русскимъ. На вопросъ, какъ онъ могъ поучать народъ, когда самъ былъ неграмотенъ, Мансуръ отвѣтилъ, что проповѣди его были понятны, коротки и просты и заключались въ слѣдующихъ правилахъ, соблюдать которыя долженъ былъ каждый правовѣрный: 1) исповѣдывать Бога единого; 2) исповѣдывать, что Магометъ посланникъ Божій, 3) вѣрить воскресенію мертвыхъ и страшному суду Божію, на которомъ каждому воздано будетъ по дѣламъ его, и для того исполнять предписанныя закономъ должности, коихъ пять: 1) постъ, 2) молитва, 3) посѣщеніе Мекки и Медины, 4) подавленіе милостыни и 5) исповѣданіе вѣра въ единого Бога.

Среди бумагъ шейха были найдены тексты четырехъ молитвъ, которыя онъ распространялъ среди своихъ послѣдова-

телей ¹⁾. Воинственныхъ же воззваній или какихъ либо обращеній къ городскимъ племенамъ, найдено не было.

По снятіи допроса, Мансуръ былъ снова заключенъ въ крѣпость. Въ тайной экспедиціи не вѣрили въ его исключительно проповѣдническую дѣятельность по его молодости (по его показанію ему было только 30 лѣтъ отъ роду), и Шешковскій медлилъ съ докладомъ Императрицѣ. Между тѣмъ шейхъ-Мансуръ велъ себя въ крѣпости неспокойно: онъ просилъ и требовалъ исполненія обѣщаній графа Гудовича объ освобожденіи его какъ военно-плѣннаго, но просьбы оставались безъ вниманія. Его пылкая южная натура не могла мириться съ суровыми требованіями крѣпостного режима, приводившаго его въ ярость, и въ одинъ день, въ припадкѣ гнѣва, Мансуръ ударомъ ножа убилъ караульнаго солдата.

Немедленно было доведено до свѣдѣнія Государыни и наряжено особое слѣдствіе. По высочайшему новелѣнію шейхъ за

¹⁾ Тексты этой выписки изъ Корана был и такого содержанія: 1) Слава Богу Господу обоимъ міровъ, т. е. сего и будущаго, Милосердному, Милостивому, властителю суда страшнаго. Тебя молимъ и Твоей пощады просимъ, направи насъ на путь правый, на путь, его же ради благотворишь ходящимъ по немъ, не прогнѣвись на нихъ и не отпадутъ въ заблужденіе

2) Богъ вашъ есть Богъ единый и нѣтъ Бога кромѣ Его Милостиваго и Милосерднаго; Ему же нѣтъ владыки, ни сообщника, нѣтъ соучастника, во владычествѣ Его. Хвалите Его и благодарите утро и вечеръ, нѣтъ крѣпости и силы не отъ Бога, Величайшаго и Высочайшаго. Уповающій на Бога не постыдится, помогаетъ ему всемогущій Богъ во всѣхъ его начинаніяхъ. Во истину Господь вашъ есть Богъ, Который сотворилъ небо и землю въ шесть дней, потомъ сѣлъ на престолъ, покрывая день ночью; сотворилъ Онъ солнце, луну и звѣзды и теченіе ихъ покорилъ своей власти. Благословенъ будь Господь Богъ общихъ мировъ. Богъ, кромѣ Котораго, нѣтъ иного Бога, Онъ есть живой, всегда существующій, Ему же не прикасается дреманіе и сонъ, Его все, что на небесахъ и на землѣ. Кто посмѣетъ ходатайствовать у Него, не по Его изволенію. Онъ вѣдаетъ бывшее и что имѣетъ быть, никакая вещь не можетъ объять свѣдѣній Его, кромѣ того, что Онъ открытъ захочетъ. Пространство престола Его—небо и земля и не обременяетъ Его тягость храненія ихъ; Онъ высокъ и великъ.

3) Прибѣгаю къ Господу и Царю рода человѣческаго, да сохранитъ меня отъ дьявольскаго искушенія и козней человѣческихъ; милостивый къ рабамъ своимъ Господь Богъ щедритъ и даритъ, кому хочетъ безъ числа.

4) Господь нашъ, не истязуй насъ, если мы что запомнили и если въ чемъ согрѣшили и не наложи на насъ тягости такой, какой отягощены предшествовавшіе намъ роды. Не возложи на насъ, что понести не можемъ, прости насъ Господи и помилуй насъ, ты Владыко нашъ и дай намъ помощь Свою на невѣрующихъ въ тебя.

это преступленіе былъ закованъ въ кандалы и осужденъ на вѣчное заключеніе въ Шлиссельбургскую крѣпость. 15 октября 1791 года ¹⁾ Мансуръ былъ переданъ въ распоряженіе коменданта, и непривѣтливья стѣны страшной крѣпости скрыли въ себя сводолюбиваго горца.

Шейхъ пробылъ въ тяжеломъ заключеніи до весны 1794 года. Гнетъ неволи и тоска по родинѣ развили въ немъ чахотку, и 13 апрѣля того же года Мансура не стало. Тѣло его секретно, ночью, было зарыто на Преображенской горѣ безъ всякаго обряда. Такъ окончилъ свою жизнь популярный вождь и пророкъ чеченскихъ племенъ шейхъ-Мансуръ Анапскій, — предшественникъ Шамиля.

М. Я. Корольковъ,

¹⁾ Донесеніе Шлиссельбургскаго коменданта. Гос. Арх. т. VII № 2777.